

TERRY PRATCHETT
IAN STEWART
JACK COHEN

TERRY PRATCHETT
IAN STEWART & JACK COHEN

*The Science of Discworld-II.
The Globe*

Москва

2016

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
ЙЕН СТЮАРТ & ДЖЕК КОЭН

*Наука Плоского мира-II.
Глобус*

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett, Ian Stewart, Jack Cohen
THE SCIENCE OF DISCWORLD, BOOK 2. THE GLOBE

Copyright© Terry Pratchett; Ian Stewart, Jack Cohen 2002
This edition published by arrangement with Colin Smythe Limited
and Synopsis Literary Agency

Cover artwork copyright © 1998 by Paul Kidby, www.paulkidby.net

Художественное оформление *Ильи Саукова*

Перевод с английского *Артема Агеева*

Пратчетт, Терри.

П68 Наука Плоского мира. Книга 2. Глобус / Терри Пратчетт, Йен Стюарт, Джек Коэн ; [пер. с англ. А. Агеева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-699-85698-5

Приклю... ой, извините, научные изыскания многоуважаемых волшебников Незримого Университета на забавном Круглом мире продолжают.

Увлечись изучением законов, по которым существует «ошибка эксперимента», волшебники не сразу заметили, что чудачковатая планета населена не менее интересными «существами». Что впрочем, неудивительно — последние вовсю прятались от эльфов. Волшебники, в несвойственном им порыве великодушия, решили помочь «местному населению». И тут началось...

Легендарный создатель Плоского мира и двое популяризаторов науки (известные также как Терри Пратчетт, Джек Стюарт и Йен Коэн) представляют новую историю, в которой каждый найдет что-то свое. Кого-то порадует встреча с обитателями Плоского мира, а кто-то наконец узнает, почему поговорка «Краткость — сестра таланта» в том или ином виде встречается у всех народов мира.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© А. Агеев, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85698-5

Глава 1

ПОСЛАНИЕ В БУТЫЛКЕ

В НЕВЕСОМОЙ И ВСЕ-ПОГЛОЩАЮЩЕЙ ТИШИНЕ ЛЕСА магия бесшумной поступью охотилась на магию.

Волшебники, если выразиться лаконично, это как огромные эго, взбирающиеся на вершину горы. Именно поэтому они не умеют маскироваться. Иначе напоминали бы других людей, а этого они совсем не желают. Волшебники — это *не* другие люди.

Вот почему в густом лесу, где было полно рассеянных теней, молодых деревьев и пения птиц, волшебники, которые, по идее, должны были сливаться с местностью, на самом деле ярко выделялись. Они могли понять принципы маскировки — по крайней мере, стали бы кивать головами, если бы им об этом рассказали, — но все равно бы все делали по-своему.

Если бы мы для примера взяли вот это дерево, то сказали бы, что оно было невысоким, с большими искривленными корнями, лабиринтом любопытных червоточин и блестящими зелеными листьями. С его веток свисал мох, и один ворсистый серо-зеленый виток был очень похож на бороду. Но что казалось еще страннее, выступ, находившийся над ним, здорово напоминал нос. А два пятнышка на коре вполне могли бы оказаться глазами...

Но тем не менее оно определенно было деревом. Более того, оно походило на дерево сильнее многих других деревьев. И вообще, оно было самым деревоподобным деревом в этом лесу. Оно прямо-таки вселяло ощущение користости и излучало листовенность. Голуби и белки выстраивались в очередь, чтобы обжечь его ветви. На нем даже сидела сова. Остальные казались просто палками, обросшими листьями, на фоне неоспоримой зелениности этого дерева...

...которое вдруг подняло ветки и выстрелило в другое дерево. Вращающийся оранжевый шар рассек воздух и — шлёп! — попал прямо в небольшой дубок.

После этого нечто странное произошло и с дубком. Обрывки веток, теней и коры, которые до этого натурально складывались в образ скрюченного старого дерева, теперь столь же натурально превратились в истекающее оранжевой краской лицо аркканцлера Наверна Чудакулли, магистра Незримого Университета (благодаря его чрезвычайной волшебности).

— Попал! — выкрикнул декан, спугнув сову со своей шляпы. Ей на редкость повезло: мгновением спустя шляпа была сбита шариком с голубой краской.

— Ага! Получайте, декан! — завопило древнее буковое дерево из-за его спины и, не проделав особо заметных изменений, превратилось в фигуру профессора современного руносложения.

Декан развернулся, и шар оранжевой краски ударил профессора прямо в грудь.

— Отведай правильных цветов! — прокричал возбужденный волшебник.

Декан бросил взгляд через поляну, где стояла дикая яблоня, оказавшаяся теперь заведующим кафедрой беспредметных изысканий.

— Ты чего? Я на *твоей* стороне, дурак ты этакий! — сказал тот.

— Быть этого не может! В тебя же так удобно целиться!¹

Декан поднял свой посох. В тот же миг полдюжины оранжевых и голубых шаров взорвались прямо над ним, когда остальные волшебники, скрывавшиеся до этого, дали себе волю.

Аркканцлер Чудакулли вытер краску с лица.

— Ладно, друзья, — вздохнул он. — На сегодня достаточно. Не пора ли нам выпить чайку, как думаете?

Он уже смирился с тем, что донести до волшебников смысл понятия «командный дух» неимоверно трудно. Они могли понять, скажем, если бы волшебники сражались против какой-нибудь другой команды, но не улавливали сути, когда волшебники сталкивались с волшебниками. Хотя если *один* волшебник противостоял другим волшебникам, то да, с этим у них тоже проблем не возникало.

Они начали двумя командами, но вскоре настолько увлеклись и вошли во вкус, что принялись стрелять во всех без разбора. Каждый волшебник глубоко в душе понимал, что всякий другой волшебник — его противник. Если бы в их палочках не были установлены ограничения на наложение любых заклинаний, кроме шариков с красками, — а Чудакулли был крайне щепетилен на этот счет, — весь лес к этому времени, несомненно, уже пылал бы в огне.

¹ В этом коротком утверждении отражена вся сущность волшебства.

Зато они хотя бы дышали свежим воздухом, что было для них весьма полезно. Чудакулли всегда считал, что в Университете чересчур душно. А здесь светило солнце, пели птички и дул приятный теплый ветерок...

...и холодный ветерок. Температура заметно опустилась.

Чудакулли взглянул на свой посох: на нем уже застыли ледяные кристаллики.

— Что-то резко похолодало, не правда ли? — сказал он и увидел, как у него изо рта вырвался пар и смешался с холодным воздухом.

А затем мир переменялся.

Ринсвинд, широко известный и весьма знаменитый профессор жестокой и необычной географии, работал с каталогом своей коллекции камней. Теперь это стало его основным занятием, и в любую свободную минуту он начинал перебирать камни. Его предшественники на этом посту потратили многие годы на сбор миниатюрных образцов жестокой и необычной географии, но каталогизировать их не успевали — поэтому Ринсвинд видел в этом свою обязанность. Вдобавок такое занятие было невысказанно скучным, а он полагал, что миру как раз не хватало скуки.

Ринсвинд считался наименее важным членом старшего преподавательского состава. Аркканцлер однажды даже дал понять, что по университетской иерархии он стоял несколько ниже, чем существа, которые выстругивали всякие штуки из дерева. Он не получал жалованья и не имел никаких шансов на получение штатной должности. С другой стороны, ему предоставлялось право на бесплатную стирку одежды, питание и ведерко угля в день. Кроме того, Ринсвинд располагал собственным кабинетом,

впрочем, туда никто никогда не заходил, и ему было строжайше запрещено пытаться кого-либо чему-либо учить. По этой причине в конце каждого семестра он чувствовал себя вполне счастливым.

Еще одним поводом для счастья было то, что ему на самом деле доставалось аж по семь ведер угля в день, а одежду ему выстирывали так основательно, что даже носки оставались накрахмаленными. И все потому, что Бланк, разносчик угля, который был слишком угрюмым, чтобы читать таблички, оставлял столько же ведер, сколько должностей было указано на дверях кабинета. Но об больше никто не знал.

То есть декан, например, получал всего одно ведро. Как и казначей.

Ринсвинд получал семь, потому что аркканцлер счел нужным присвоить ему все звания, должности и посты, которые Университет (из-за условий старинных завещаний, соглашений и как минимум в одном случае проклятия) обязан был держать занятыми. Как правило, никто понятия не имел, что это были за звания, и никому не хотелось иметь с ними дел, особенно если они каким-либо образом были связаны со студентами, поэтому всех их и отдали Ринсвинду.

И так каждое утро Бланк неизменно приносил семь ведер угля к общей двери профессора жестокой и необычной географии, заведующего кафедрой экспериментальной серендипности, доцента динамики слуда, преподавателя по выпиливанию лобзиком¹, заведующего кафедрой общественного недопонимания магии, профессора виртуальной антропологии и лектора по приблизительной точности. Ринсвинд

¹ Это, очевидно, было результатом проклятия, наложенного умирающим аркканцлером около 1200 лет тому назад. Оно звучало примерно как «Да чтоб ты всю жизнь преподавал выпиливание лобзиком!».

обычно открывал дверь в одних кальсонах и радостно принимал уголь, даже если день выдавался знойным. В Незримом Университете каждый получал обеспечение за счет общего бюджета, и если кто-то не использовал в полном объеме все, что ему предоставлялось, то в следующий раз этому кому-то выдавали меньше, чем в предыдущий. Если это означало, что придется жариться все лето, чтобы провести в тепле зиму, то это было небольшой ценой, которую приходилось платить ради соблюдения всех казначейских процедур.

В этот день Ринсвинд занес ведерца вовнутрь и высыпал уголь в кучу в углу кабинета.

Позади него что-то дзынькнуло.

Это был негромкий, едва различимый и то же время удивительно назойливый звук, и вместе с ним на полке над столом появилась бутылка пива, хотя прежде никаких бутылок там *отродясь не бывало*.

Ринсвинд взял ее и рассмотрел. В ней еще совсем недавно плескалась пинта «Ухмельного». Бутылка была самая обыкновенная — только голубая. Этикетка также имела непривычный цвет и содержала множество орфографических ошибок, но в остальном все было в порядке, даже надпись крошечными буквами: «Может содержать орехи»¹.

¹ Лорд Витинари, патриций и верховный правитель города, очень серьезно относился к предупреждениям на этикетках продуктов. К сожалению, он обратился за советом к волшебникам Незримого Университета, задав им следующий вопрос: «Можете ли вы, принимая во внимание все многомерное фазовое пространство, метастатическую аномалию и законы вероятности, с *совершенной точностью* гарантировать, что ничто на свете не может содержать орехов?» После нескольких дней размышлений волшебники вынуждены были дать отрицательный ответ. Впоследствии Лорд Витинари отказался принимать формулировку «Скорее всего, не содержит орехов», сочтя ее малополезной.

Теперь в ней лежала записка.

Он осторожно извлек ее, развернул и прочитал.

Затем взглянул на предмет, который стоял *позади* бутылки. Это был стеклянный шар, около фута диаметром. Внутри него плавал шарик поменьше, пушисто-бело-голубого цвета.

Шарик поменьше содержал целый мир, а пространство внутри него было бесконечно огромным. Мир и вселенная, частью которого он являлся, была создана волшебниками Незримого Университета случайным — в той или иной степени — образом. А то, что шар в итоге оказался на полке в крохотном кабинете Ринсвинда, прямо свидетельствовало о том, какой невеликий интерес он у них вызывал после того, как первоначальное воодушевление сошло на нет.

Ринсвинд время от времени наблюдал за миром через омнископ. Бóльшую часть времени в нем шли ледниковые периоды, и следить за ним было не так увлекательно, как за муравьиной фермой. Иногда он встряхивал его, чтобы посмотреть, к чему это приведет, но вроде бы это никогда не производило должного эффекта.

Он снова взглянул на записку: та казалась довольно загадочной. А в Университете был человек, который умел разбираться в подобных вещах.

Думминг Тупс, как и Ринсвинд, занимал сразу несколько должностей — и хотя он и не разрывался на семи, зато усердно трудился на трех. Долгое время Думминг работал доцентом невидимых писаний, затем ему достался пост главы кафедры нецелесообразной прикладной магии, и, наконец, он освоился в кабинете прелектора — в Университете так называли человека, которому поручали самую занудную работу.

Это означало, что в отсутствие старшего преподавательского состава он оставался за главного. И как раз сейчас, во время весенних каникул, *никого* из них не было. Как не было и студентов. В силу этих обстоятельств Университет работал на пике своей эффективности.

Думминг разгладил пропахшую пивом бумагу и прочитал:

СКАЖИТЕ ТУПСУ ПОСКОРЕЕ ЯВИТЬСЯ СЮДА. ВОЗЬМИТЕ БИБЛИОТЕКАРЯ. БЫЛИ В ЛЕСУ, Я В КРУГЛОМ МИРЕ. ЕДА ВКУСНАЯ, ПИВО КОШМАРНОЕ. ОТ ВОЛШЕБНИКОВ ТОЛКУ НЕТ. ЭЛЬФЫ ТОЖЕ ЗДЕСЬ БЫЛИ. ДЕЛАЮТСЯ ГРЯЗНЫЕ ДЕЛИШКИ.

ЧУДАКУЛЛИ

Он посмотрел на жужжащую, щелкающую и загруженную громадину Гекса, университетскую мыслительную машину. Затем с предельной аккуратностью положил послание в лоток, бывший частью этой беспорядочной массы.

Механический глаз футового диаметра медленно спустился с потолка. Думминг не знал, как Гекс работал, — ему было известно лишь то, что внутри него находилось огромное количество маленьких тоненьких проводков. Думминг помнил, как однажды ночью Гекс составил чертежи и он отнес их гномам-ювелирам. Он уже давным-давно перестал понимать, чем занимался Гекс. Машина менялась чуть ли не каждый день.

Пишущее устройство загромыхало и выдало сообщение:

«+++ Эльфы попали в Круглый мир. Этого и следовало ожидать. +++»

— Следовало ожидать? — изумился Думминг.

«+++ Их мир — это вселенная-паразит. Ему нужен хозяин. +++»

Думминг повернулся к Ринсвинду и спросил:

— Ты что-нибудь понял?

— Нет, — ответил Ринсвинд, — но мне приходилось сталкиваться с эльфами.

— И?

— Я убежал от них. К ним лучше вообще не приближаться. Я с ними никаких дел не веду, если только они не выпиливают что-нибудь лобзиком. А вообще, *на* Круглом мире сейчас ничего нет.

— Но мне казалось, ты писал в своем отчете, что там появляются разнообразные формы жизни.

— Ты что, это *читал*?

— Я читаю все бумаги, которые находятся в обращении по Университету, — ответил Думминг.

— Да неужели?

— Ты сказал, что время от времени там появляется какой-то вид разумной жизни, существует несколько миллионов лет, а затем вымирает от того, что замерзает воздух или взрываются континенты, или в море падает гигантский камень.

— Это так, — сказал Ринсвинд. — Но сейчас шарик снова превратился в снежок.

— Тогда чем там сейчас занимается наш преподавательский состав?

— Очевидно, пьет пиво.

— Так весь мир же замерз!

— По-видимому, они пьют светлое.

— Но они должны бегать по лесу, работать в командах, решать всякие проблемы и стрелять друг в друга заклинаниями с красками, — сказал Думминг.

— Зачем?

— Ты разве не читал памятку, которую разослал аркканцлер?

Ринсвинд содрогнулся.

— О, я никогда *их* не читаю, — ответил он.

— Он повел всех в лес, чтобы развить командный дух, — сказал Думминг. — Это одна из Больших Идей аркканцлера. Он говорит, что если преподавательский состав узнает друг друга получше, то они станут более счастливой и эффективной командой.

— Но они и так *хорошо* знают друг друга. Они знакомы много веков и именно поэтому так друг друга ненавидят! Они не захотят становиться счастливой и эффективной командой.

— Особенно на ледяном шаре, — заметил Думминг. — Они должны находиться в лесу в пятидесяти милях отсюда, а не на стеклянном шаре в твоём кабинете! В Круглый мир нельзя попасть без *значительного* количества магии, а аркканцлер запретил мне запускать чудо-реактор на полную мощность.

Ринсвинд снова взглянул на послание из бутылки.

— А откуда взялась бутылка? — спросил он.

Гекс напечатал в ответ:

«+++ Это я сделал. Я продолжаю наблюдать за Круглым миром. Я также веду разработку нескольких интересных алгоритмов. Для меня не представляет труда произвести артефакт в реальном мире. +++»

— Почему ты не сказал нам, что аркканцлеру нужна помощь? — ахнул Думминг.

«+++ Они получили массу удовольствия, пока пытались отправить бутылку. +++»

— А можешь вернуть их обратно?

«+++ Да. +++»

— В таком случае...

— Погоди, — сказал Ринсвинд, вспомнив о голубой бутылке и орфографических ошибках: — Ты можешь вернуть их обратно *живыми*?

Гекс, как им показалось, обиделся:

«+++ Разумеется. С вероятностью 94,37%».

— Это не такой уж высокий шанс, — заметил Думминг. — Но, наверное...

— Нет, погоди, — сказал Ринсвинд, все еще думая о бутылке: — Люди же не бутылки. Ты сможешь вернуть их живыми, с полностью функционирующими органами, мозгом и неперепутанными конечностями?

Гекс выдержал подозрительную паузу, прежде чем ответить.

«+++ Мелкие изменения будут неизбежны. +++»

— Насколько мелкие?

«+++ Я не могу гарантировать возврат более чем одного экземпляра каждого органа. +++»

Наступило продолжительное ледяное молчание.

«+++ Вас это не устраивает? +++»

— Может быть, есть другой способ? — спросил Ринсвинд.

— Почему ты так считаешь?

— В записке они просили привести библиотекаря.

Душной ночью магия передвигалась бесшумной поступью.

Одна сторона горизонта окрасилась красным от заходящего солнца. Мир вращался вокруг центральной звезды. Эльфы этого не знали, а если бы и знали, едва ли это их волновало бы. Их никогда не волновали подобные вещи. Во многих странных уголках Вселенной существовала жизнь, но эльфам и это не было интересно.